

*Свои стихи несу как свечи
(Хоть и нечасто) в Божий храм.
И знаю, что за них отвечу.
Отвечу – точно. Но не вам.*

Николай Алешков

26-го июня 1945 года в селе Орловка Челнинского района ТАССР в семье кузнеца Алешкова Петра Фёдоровича, вернувшегося по ранению с фронта раньше Победы, и его жены Марины (Мариши) четвёртым в семье родился сын Николай. Ныне Николай Петрович Алешков – известный поэт, автор более десяти поэтических книг, лауреат литературных премий, основатель и главный редактор литературного журнала «АРГАМАК. ТАТАРСТАН». В год 75-й годовщины Великой Победы русского народа над фашистской Германией, он отмечает и своё 75-летие.

Многие его стихотворения широко известны, а отдельные строфы и строки, как говорится, ушли в народ:

Нас всем миром растили
Пересилив беду.
Я родился в России,
В сорок пятом году...

К Господу приходят в одиночку.
Толпами к убожеству идут...

Враг отступит, глаза опуская,
Если русский поднимет глаза...

Важно определить, что Николай Алешков — русский поэт не только потому, что он верен отечественной классике, но и по своим корням, по духу и характеру своему. Его кредо: «Поэт пишет для себя и для Бога. Стихи — это исповедь и молитва.» Отвергая известное правило «Ни дня без строчки!», он следует другому принципу, озвученному в своё время Львом Николаевичем Толстым: «Пиши только тогда, когда не можешь не писать».

Русский поэт — два этих слова имеют для нашего земляка сакральный смысл. Он знает, что звание русского поэта присваивает не власть, его присваивает время, история и народ. В судьбе русского поэта всегда отражается история Отечества, того самого, которым, по мысли Пушкина, поэта Господь наградил...

Как гражданин, как любитель русской поэзии, как почитатель таланта, я не могу не высказать слова сердечной благодарности мастеру в год его юбилея. Время быстро-течно, оно всё расставит по своим местам. Я твёрдо убеждён, что творчество Алешкова будет изучаться, как уже сейчас оно изучается в некоторых набережночелнинских школах, и со временем наряду с Есенинскими, Рубцовскими, Цветаевскими чтениями будут проводиться Алешковские чтения на его родине, в городе Набережные Челны. Русские поэты должны входить в сокровищницу народной памяти. Ныне его родное село Орловка волею судьбы оказалось в центре полумиллионного города. После трёх-летней армейской службы, после недолгой поры скитаний в поисках своего места на земле, в 1969 году Николай вернулся на родину, где и поныне живёт в своём деревянном доме, поглядывая из окна на речку Челнинку, в которой мальчишкой купался до посинения, ловил пескарей, а в шесть лет чуть не утонул.

Мечтал о чём? Мечтал о том,
Чтоб сказка былью стала.
В родном селе построил дом.
Душа на место встала...

А за рекой на непаханом поле,
Глядя на облако из-под руки,
Девочке Кате и мальчику Коле
Добрые люди сплетали венки
Из васильков и душистого хмеля.
Пел соловей и гудели шмели.
Сидя на облаке, ехал Емеля,
Жаром от печки касаясь земли.

«Научиться владеть размером — можно, писать грамотно и даже безукоризненно — тоже не ахти как сложно и трудно. Но не каждому дано — вернее, позволено — включиться в музыкальный ритм своего времени, исчезнуть в нём, раствориться и, растворяясь, говорить о том, что видишь и чувствуешь» (А. А. Блок). В мире искусств поэзия занимает особое место, так как «в душе каждого человека есть клапан, открывающий только поэзией» (Н. А. Некрасов). Николай Алешков осознаёт это предназначение и эту ответственность.

О чем ты говоришь, Господь с тобою?
Игра в слова — опасная игра,
Когда она становится судьбою
На грани адской бездны и добра.

Бумага, карандаш, остывший кофе,
Сквозняк в жилище, тесном и пустом...
А ты вслед за Учителем к Голгофе
Идешь, гонимый, с жертвенным крестом...

Наша поэзия, наша речь, наш фольклор отражают особенности и характер русского человека. Во всех действиях мы руководствуемся не столько законами логики и рационального мышления, сколько велением души и сердца. Об этом много говорили и классики, и современники. Именно поэтому «Умом Россию не понять...» (Ф. И. Тютчев). Отсюда — русская душа, русский характер. Отсюда русский бунт... В этой душе всё: боль, тоска, любовь, печаль, нежность, вера... У поэта зачастую — в одном произведении. И в собственной судьбе.

В подлинной поэзии всегда остаётся много невысказанного. В любом языке, даже в таком богатом, как русский, не хватает слов, чтобы выразить все чувства. Нередко тайна остаётся в подтексте, в том, что прочитывается между строк. Русская поэзия — это нерв, это натянутая струна. Талантливо и точно отображён русский человек со своими особенностями Николаем Алешковым в его короткой поэме «Ковчег». В ней и гордость за него, и горечь, и боль. Это одновременно и ода, и реквием. Обращаясь к России, испытавшей трагедию гражданской войны, поэт пишет:

Матушка, не по силам
Мир на себе держать?
Гнев перетёк по жилам,
Вытеснив благодать.
Удаль у нас безмерна.
Норов наш — без границ.
Смутно на сердце, скверно
Меж разъярённых лиц...

Русский себя погубит.
Русский врага спасёт.
Кто нас таких полюбит?
Кто нас таких поймёт?
Прыгнуть на бомбу? Пофиг!
Спас! Обречённо стих...
Русского слова — подвиг —
Нет в словарях других...

Такие стихи и пишутся, и читаются сердцем. Подлинная поэзия непереводаима, ибо она может жить только в стихии родного языка. Всё остальное — вариации на заданную тему, исполненные с той или иной мерой одарённости. Всё самое заветное и сокровенное может быть исполнено и услышано только на родном языке.

Жизнь моя, ты не поле для битвы —
Не о битве поют соловьи!
Уважаю чужие молитвы,
Уповаю всегда на свои.

Каюсь — редко со свечкою в храме
С прихожанами вместе стою,
Чтоб Христу и покойнице маме
За судьбу поклониться мою.

Понапрасну я их не тревожу,
Но и совесть не зря ворошу.
Я прошу только милости Божьей,
А у мамы прощенья прошу...

Феномен искусства является пока неразрешимой загадкой человека. Ясно только то, что одарённый человек не может быть вне искусства. Искусство — это его среда обитания. Это образ его жизни, способ его духовной самореализации посредством чувственно-выразительных средств. Это способ передачи той информации, которую нельзя выразить и передать никакими иными средствами.

Стихи Николая Алешкова вызывают у меня эмоции, размышления, если хотите, и удовольствие, как хорошая музыка или полотно художника.

Сентябрьское солнце восходит в зенит.
На пашне струной паутинка звенит.
И всем обещает осенняя Русь
Короткое счастье и долгую грусть.

Эти стихи «включают» и мозг, и сердце. Ощущаешь радость и прелесть жизни, красоту природы, любовь к живущим и ушедшим, утраты и потери, живительную силу бытия... И почему-то часто наворачиваются слёзы. Я не знаю, чем они вызваны — откровением, невысказанной тайной, высоким слогом, красотой языка, любовью поэта к человеку и Богу, в которую нельзя не поверить. Но это хорошие слёзы — слёзы очищения. К очищению, может быть, и призвано искусство? Есть множество формулировок этого предназначения. Я знаю, что Николаю Петровичу нравится мысль Василия Розанова о том, что литература призвана служить смягчению нравов. Приходят на память и слова Анатоля Франса: «Прекрасный стих подобен смычку, проводимому по звучным фибрам нашего существа. Не свои — наши мысли заставляют поэта петь внутри нас... Понимая его, мы сами становимся поэтами, как он».

При чтении стихов Алешкова подсознательно приходишь к его образному восприятию, к миру зрительных ощущений: видишь, например, воочию быт деревенской избы, маленького мальчика, его матушку, которая не молится, а беседует с Богом. Поэт, наверное, обладает врождённой чувствительностью к тем или иным проявлениям нашего земного бытия, и это удивительно.

Начинается мир за порогом,
А за печкой сверчок верещит.
Вечер. Мама беседует с богом.
На божнице лампадка горит.

Я лежу на скрипучих полатях.
У святых озаряются лбы.
И сливается мамино платье
С полумраком вечерней избы...

Умение находить в родном языке «лучшие слова в лучшем порядке» можно сравнить с мастерством скрипача, виртуозно водящего смычком по струнам нашей души. «Одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия», — открывает нам ключ к пониманию искусства Александр Сергеевич Пушкин. А музыка и поэзия — сёстры. Поэту, когда он создаёт стихи, никак не обойтись без интонации, без этой мелодии. Не случайно на стихи Николая Петровича его друзьями-музыкантами написано немало песен. Читая такие стихи, слушая такие песни, начинаешь думать, что без них, как и без молитвы, человек вряд ли способен стать Человеком.

Поэзия Николая Алешкова искренна, открыта и, казалось бы, предельно проста в своём словесном выражении. Это нередко порицается ныне проповедниками очередного авангардизма в поэзии. Только они забывают, что не всё так просто, что даже самая высокая — пушкинская — простота (не в первый раз свергаемая с «корабля современности») воспринимается нами, оппонентами авангардистов, как «ясность — удовольствие ума» (по выражению другого русского гения, Льва Николаевича Толстого). Кому верить — тут каждый решает сам.

«Первое правило сей науки (поэзии) должно быть: живи как пишешь, и пиши, как живёшь. Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы» (К. Н. Батюшков). Алешков — лирик, «один из самых тонких лириков послевоенного поколения современной России, — так считает писатель Александр Ольшанский, стоявший у истоков поступления Николая Петровича в Литературный институт имени А. М. Горького в 1976 году. — Причём его лиризм граничит с исповедальностью.»

Две красные розы на белом снегу.
Над розами крест деревянный.
И я уже слёз удержать не могу
В день памятный, в день окаянный.

Будь проклят навеки холодный и злой
Январь девяносто четвёртого,
Обливший бедой, как горячей смолой.
Хоть в простыню снега завёртывай

И сердце, и душу. Не будь на руках
Сыночка, тобою рождённого,
Я б лучше сгорел, превратился бы в прах
Под небом Отечества сонного...

«Алешков — один из самых предметных поэтов, приверженных русской лирической традиции. Картины жизни человека и природы у него удивительно точны

в изобразительном отношении. Прочитав стихотворение, будто через увеличительное стекло видишь описание» — продолжает разговор об истинном и мнимом один из самых уважаемых литературных критиков современности Вячеслав Лютый, автор статьи-предисловия к книге Алешкова «Жизнь моя... Избранное» (Казань, Татарское книжное издательство, 2015 г.). Эта же статья была опубликована в журнале русских писателей «Наш современник».

Говоря о поэтах, не хочется называть их коллегами. В общении с ними Николай Петрович чаще использует выражение «братья и сёстры по смуте в крови», принадлежащее вообще-то не ему, а Инне Лимоновой, поэтессе, бывшей челнинке, вместе с которой он в семидесятые годы «правил перо» в легендарном литобъединении «Орфей». Так вот что пишет другая «сестра по смуте в крови», одна из лучших русских поэтесс современности Диана Кан о любовной лирике своего старшего по возрасту брата: «В стихотворениях Алешкова о любви просто необходимо учитывать аспект материнства — святого предназначения женщины на Земле. В них практически любая лирическая героиня, даже не будучи возведена в статус Прекрасной Дамы, окружена ныне редким рыцарским отношением». А так называемую «мужскую» вину перед женщиной, которую современные поэты старается обходить стороной, Алешков не прощает себе, раскаивается в ней, исповедуясь перед всеми и перед Богом.

Я не просил о верности. Не надо.
Свободна ты. Вот Бог, а вот порог.
Но будь всегда на расстоянье взгляда,
Чтоб от беды тебя я уберёг.
Так говорил я женщине когда-то,
Которую боялся потерять.
И потерял. Она не виновата.
Мне на земле её не отыскать.
Там, в небесах, её мольба застыла.
Какую глупость я нагородил!
Она МЕНЯ о верности просила,
А я свой взгляд стыдливо отводил.

Прекрасны стихи поэта о природе. В них проскальзывает тютчевское благоговение перед Божьим миром. Человек не должен отделять себя от природы. Когда он слит с ней, ему и открывается музыка сфер.

Судьбы твоей дорога
Лишь тем и дорога,
Что ты поверил в Бога,
Что ты простил врага.
Печаль твою излечат
Река, притихший лес
И тёплый летний вечер
И звёздочка с небес...
Пиши стихи, на Млечный
Поглядывай покой,
И, может быть, за вечность
Зацепишься строкой...

Так называемая гражданская тема в поэзии Николая Алешкова — это диалог долга и совести. У Николая Петровича и здесь свой почерк. Даже его гражданский гнев глубоко лиричен, ибо в нём заключено душевное волнение. Поэт прекрасно осознаёт «с чего начинается Родина». У каждого своя Орловка, своя Челнинка, свой плёс и свой погост. Достаточно вспомнить малую толику фрагментов его замечательных стихов.

В моей больной, поруганной стране
Опять дела разбойные творятся.
И нету сил юлить и притворяться,
Что «всё путём», что всё по нраву мне...

...

Ты прости нас, отец, мы живём
В самой подлой базарной эпохе.
Торг уместен. Всемирным жульём
Всё наследство дробится на крохи...

Он честен и не изменяет чётко обозначенной творческой позиции, так как его поэзия пронизана искренней, а не пафосной любовью к России, к её народу. К её многонациональному народу. Русский для поэта — не только определение национальности. Русский тот, кто любит Россию.

Я написал поэму,
Сын, закачай в планшет,
Чтобы однажды — в тему! —
Вспомнить отца завет.
Родину не меняют,
Веру не предают.
Русские это знают,
Песни о том поют.

Как человек приходит к Богу? Отношение к вере у каждого — глубоко личное, а его молитва — самое сокровенное. Какие мысли, какие испытания, какие поступки и действия приводят к истинной вере, к осмыслению своей жизни и своего назначения? Судя по стихам поэта, его путь к храму был и остаётся тернистым и нелёгким. Но сейчас для него очевидно, что истинная вера облегчает наше земное существование. Он постигает, что жизнь души не измеряется только земным звеном.

Недавно Николай Петрович рассказал мне, как нашёл название для своей юбилейной книги избранной лирики, готовящейся к выходу в Татарском книжном издательстве (г. Казань).

— Было не менее десятка вариантов, — вспоминает он, — но ни одно меня не устраивало. А книга-то уже в издательстве, уже готовится к выходу... И вот я стою в храме Космы и Дамиана в родной Орловке среди молящихся, только что исповедался, готовлюсь к самому главному. И вдруг — мысль: а я ведь всю жизнь через грехи, утраты и испытания шёл к этому таинству. И называется оно — ПРИЧАСТИЕ. Я причастен ко всему, что было, есть и ещё будет со мной среди родных мне людей. Значит, и для книги моей это самое точное название.

Подумалось — такое тёплое, непосредственное, душевное, иногда по-детски наивное отношение к вере, к Богу, как у Н. Алешкова, я ощущаю только у Михаила Юрьевича Лермонтова. Помните?

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

Вот и закончилось наше небольшое путешествие в мир поэзии Николая Алешкова. Конечно, на его творчество повлияла плеяда многих великих русских поэтов от Пушкина, Лермонтова... до Есенина, Рубцова, Юрия Кузнецова... Их нотки иногда проскальзывают в стихах поэта, и эта преемственность естественна. Семена попали на благодатную почву. Николай Петрович пополнил когорту подлинных поэтов России. Всё его творчество — пример того, что «Поэзия требует всего человека» (К. Н. Батюшков).

Николай Петрович, долгие лета Вам и дальнейших творческих успехов на радость читателям!!!

По весне запоют соловьи
Так, как в юности давней певали...
Я б хотел, чтобы вирши мои
Так же людям сердца согревали.

P. S. Хотелось бы особо отметить деятельность Н. П. Алешкова на посту главного редактора литературного журнала «АРГАМАК», которая во многом способствует объединению литературного сообщества России.

